Баба-яга и жихарь. Русская народная сказка

1.

Жил кот, воробей да жихарько третей. Кот да воробей пошли дрова рубить и говорят жихарьку:

— Домовничай да смотри: ежели придёт яга-баба да станет считать ложки, ты ничего не говори, молчи!

— Ладно, — ответил жихарь.

Кот да воробей ушли, а жихарь сел на печь за трубу. Вдруг является яга-баба, берёт ложки и считат:

— Это — котова ложка, это — воробьёва ложка, третья — жихарькова.

Жихарь не мог стерпеть, закричал:

— Не тронь, яга-баба, мою ложку.

Яга-баба схватила жихаря, села в ступу, поехала; едет в ступе, пестом понужат, а помелом следы заметат. Жихарь заревел:

— Кот, беги! Воробей, лети!

Те услышали, прибежали. Кот начал царапать ягу-бабу, а воробей клевать; отняли жихаря.

На другой день стали опять собираться в лес дрова рубить, заказывают жихарю:

— Смотри, ежели будет яга-баба, ничего не говори; мы теперь далеко уйдём.

Жихарь только сел за трубу на печь, яга-баба опять явилась, начала считать ложки:

— Это — котова ложка, это — воробьёва ложка, это — жихарькова.

Жихарько не мог утерпеть, заревел:

— Не тронь, яга-баба, мою ложку.

Яга-баба схватила жихаря, потащила, а жихарь ревёт:

— Кот, беги! Воробей, лети!

Те услышали, прибежали; кот царапать, воробей клевать ягу-бабу! Отняли жихаря, ушли домой.

На третий день собрались в лес дрова рубить, говорят жихарю:

— Смотри, ежели придёт яга-баба — молчи; мы теперь далеко уйдём.

Кот да воробей ушли, а жихарь третей уселся за трубу на печь; вдруг опять яга-баба берёт ложки и считат:

— Это — котова ложка, это — воробьёва ложка, третья — жихарькова.

Жихарь молчит. Яга-баба вдругорядь считат:

— Это — котова ложка, это — воробьёва, это — жихарькова.

Жихарь молчит. Яга-баба в третий раз считат:

— Это — котова ложка, это — воробьёва ложка, третья — жихарькова.

Жихарько не мог стерпеть, забазлал:

— Не тронь, курва, мою ложку.

Яга-баба схватила жихаря, потащила. Жихарь кричит:

— Кот, беги! Воробей, лети!

Братья его не слышат.

Притащила яга-баба жихаря домой, посадила в голбец, сама затопила печку, говорит большой дочери:

— Девка! Я пойду в Русь; ты изжарь к обеду мне жихарька.

— Ладно! — та говорит.

Печка истопилась, девка велит выходить жихарю. Жихарь вышел.

— Ложись на ла́дку! — говорит опять девка.

Жихарь лёг, уставил одну ногу в потолок, другу́ в на́волок. Девка говорит:

— Не так, не так!

Жихарь бает:

— А как? Ну-ка поучи.

Девка легла в ла́дку. Жихарь не оробел, схватил ухват, да и пихнул в печь ла́дку с ягишниной дочерью, сам ушёл опять в голбец, сидит — дожидатся ягой-бабы. Вдруг яга-баба прибежала и говорит:

— Покататься было, поваляться было на жихарьковых косточках!

А жихарь ей в ответ:

— Покатайся, поваляйся на дочерниных косточках!

Яга-баба спохватилась, посмотрела: дочь её изжарена, и заревела:

— А, ты, мошенник, постой! Не увернёшься!

Приказыват середней дочери изжарить жихарька, сама уехала. Середня дочь истопила печку, велит выходить жихарьку. Жихарь вышел, лег в ла́дку, одну ногу уставил в потолок, другу́ в наволок. Девка говорит:

— Не так, не так!

— А поучи: как?

Девка легла в ла́дку. Жихарь взял да и пихнул её в печь, сам ушёл в голбец, сидит там. Вдруг яга-баба:

— Покататься было, поваляться было на жихарьковых косточках!

Он в ответ:

— Поваляйся, покатайся на дочерниных косточках!

Ягишна взбесилась:

— Э, постой, — говорит, — не увернёшься!

Приказывает молодой дочери изжарить его. Не тут-то было, жихарь и эту изжарил!

Яга-баба пуще рассердилась:

— Погоди, — говорит, — у меня не увернёшься!

Истопила печь, кричит:

— Выходи, жихарько! Ложись вот на ла́дку.

Жихарь лёг, уставил одну ногу в потолок, другу́ в наволок, не уходит в чело. Яга-баба говорит:

— Не так, не так!

А жихарь будто не знат.

— Я, — говорит, — не знаю, поучи сама!

Яга-баба тотчас поджалась и легла в ла́дку. Жихарь не оробел, взял да её и пихнул в печь; сам ступай домой, прибежал, сказыват братьям:

— Вот чего я сделал с ягой-бабой!

2.

В одной семье было три брата: большего прозывали Бараном, середнего Козлом, а меньшего звали Чуфиль-Филюшка. Вот однажды все они трое пошли в лес, а в лесу жил караульщиком родной их дедушка. У этого дедушки Баран да Козел оставили своего родного брата Чуфиль-Филюшку, а сами пошли в лес на охоту. Филюшке была и воля и доля: дедушка был стар и большой недогад, а Филюшка тороват. Захотелось ему съесть яблочко; он отвернулся от дедушки да в сад, и залез на яблонь. Вдруг откуда ни взялась яга-бура в железной ступе с пехтилем в руке; прискакала к яблоне и сказала:

— Здорово, Филюшка! Зачем туда залез?

— Да вот яблочко сорвать, — сказал Филюшка.

— На-ка, родимый, тебе моего яблочка.

— Это гнилое, — сказал Филюшка.

— На́ вот другое!

— А это червивое.

— Ну, будет тебе дурачиться, Филюшка! А ты вот возьми-ка у меня яблочко-то из ручки в ручку.

Он протянул руку. Яга-бура как схватит его, посадила в ступу и поскакала по кустам, по лесам, по оврагам, борзо погоняет ступу пехтилем.

Тут Филюшка, опомнившись, начал кричать:

— Козёл, Баран! Бежите скорей! Меня яга утащила за те горы за крутые, за те леса за тёмные, за те степи за гусиновые.

Козёл и Баран отдыхали тогда; один лежал на земле, вот ему и слышится — кричит кто-то.

— Прислонись-ка ты к земле! — говорит лежачий сидячему.

— Ой, это кричит наш Филюшка!

Пустились они бежать, бежали-бежали и догнали ягу-буру, отбили Филюшку и привезли к дедушке, а дедушка с ума по нём сошёл! Вот приказали они дедушке смотреть за Филюшкой, а сами ушли. Филюшка по прежней уловке опять залез на яблонь; только залез, а яга-бура опять перед ним и даёт ему яблочко.

— Нет, не обманешь меня, злодейка! — сказал Филюшка.

— Да ты, Филюшка, хоть поймай у меня яблочко; я тебе брошу.

— Хорошо, кидай!

Яга нарочно кинула ему яблочко пониже; он потянулся за яблочком, хотел было схватить — вдруг хвать его за руку яга-бура и помчала без памяти опять по горам, по долам и по тёмным лесам; притащила его в свой дом, вымыла, вы́холила и посадила в коник.

Вот поутру собирается яга идти в лес и приказывает своей дочери:

— Ну, дочка моя, истопи печь жарко-на́жарко и зажарь мне Чуфиль-Филюшку к ужоткому! — а сама ушла на добычу.

Дочь истопила жарко печку, взяла, связала Филюшку и положила на лопату, и только хочет пихнуть его в печку — он упрёт да и упрёт в чело ногами.

— Ты не так, Филюшка! — сказала дочь яги-бурой.

— Да как же? — говорит Филюшка. — Я не умею.

— Вот как, пусти-ка, я тебя научу! — и легла на лопату, как надо, а Чуфиль-Филюшка был малый не промах: как вдруг сунет её в печь и закрыл заслоном крепко-накрепко.

Прошло не больше как часа два-три, Филюшка учуял, что запахло жареным, отслонил заслонку и вынул дочь яги-бурой изжаренную, помазал её маслом, прикрыл на сковороде полотенцем и положил в коник; а сам ушёл на потолок да взял с собою будничный пехтиль и ступу яги-бурой. Вот перед вечером приходит яга-бура, прямо сунулась в коник и вытащила жаркое; поела всё, собрала все кости, разложила их на земле рядом и начала по ним кататься, а про дочь и не встрянётся — думает, что она в другой избе шерсть прядёт. Вот яга, катаючись, приговаривает:

— Любезная моя дочь! Выйди ко мне и покатайся со мною на Филюшкиных косточках!

А Филюшка с потолка кричит:

— Покатайся, мать, поваляйся, мать, на дочерниных косточках!

— А, ты там, разбойник? Постой же, я тебе задам! — заскрипела зубами, застучала ногами и лезет на потолок. Чуфилюшка не испугался, схватил пехтиль и со всего маху ударил её по́ лбу: яга лишь брыкнула наземь.

Тут Филюшка залез на крышу; увидал, что летят гуси, он и кричит им:

— Дайте мне по перышку, я сделаю себе крылышки.

Они дали ему по пёрышку; он и полетел домой. А до́ма его уж давным-давно за упокой поминают; потом, как увидали его, все несказанно обрадовались и вместо упокойной затеяли превесёлую гульбу и стали себе жить-поживать да больше добра наживать.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.